

ПРОЗА
МАШИ
ТРАУБ

Читайте книги в серии «Проза Маши Трауб»

Любовная аритмия

О чем говорят младенцы

Я никому ничего не должна

Всяла віе

Семейная кухня

Ласточ...ка

Замочная скважина

Не всяла віе

Пьяная стерлядь

Тетя Ася, дядя Вахо и одна свадьба

Дневник мамы первоклассника

Падшая женщина

МАША
ТРАУБ
СЕМЕЙНАЯ КУХНЯ
РАССКАЗЫ

ЭКСМО
Москва
2014

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Т 65

Художественное оформление серии *С. Груздева*

Трауб М.

Т 65 Семейная кухня : рассказы / Маша Трауб. — М. : Эксмо, 2014. — 320 с. — (Проза Маши Трауб).

ISBN 978-5-699-69755-7

В этой книге я собрала истории — смешные и грустные, счастливые и трагические, которые объединяет одно — еда.

Маша Трауб

**УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4**

ISBN 978-5-699-69755-7
© Трауб М., 2012
© Оформление. ООО
«Издательство «Эксмо», 2014

Вся наша жизнь — еда

Вкусовые ощущения сильны так же, как первое чувство, первое горе, первая потеря или приобретение. Еда — это наши детство, молодость и старость. Любимые блюда как любимые люди — ты их помнишь всегда, пытаешься найти им замену, и не получается. Их нельзя заменить — рецепторы сразу реагируют на подмену, как и сердце.

Вы же помните вкус манной каши из детского садика? Или пенки на молоке на полдник? Или творожной запеканки? Или не можете забыть вкус колбасы, которую папа приносил перед Новым годом, бабушкиных пирожков, маминых куриных котлеток. Еда — очень мощный индикатор чувств, прошлого, всей жизни.

Я сидела с подругой в кафе.

— Слушай, а какой первый признак влюбленности? — спросила я.

Маша Трауб

— Когда не хочется есть. Совершенно, — ответила она. — Когда я люблю, не могу есть.

Я тогда подумала, что у меня гастрит. А оказалось, что это — любовь.

У моего мужа должна была состояться в ресторане деловая встреча, от которой многое зависело. Он заказал куриные котлеты и пюре.

Пришел партнер, посмотрел в его тарелку и спросил:

— Простите, у вас мама еврейка?

— Да, — ответил муж.

— Моя мама, когда была жива, тоже жарила куриные котлеты, — сказал партнер. — Очень вкусные были, а я их не ел. Терпеть не мог. А сейчас мамы уже нет в живых...

Я лежала на каталке в холодном коридоре роддома. Только что родила сына. У меня стучали зубы, и я никак не могла согреться. Мимо проходила нянечка.

— На вот, поешь, дочка, согреешься, — сказала она и сунула мне в руки тарелку с запеканкой — картошка с мясом под соусом.

Ничего вкуснее я в жизни не ела. Этот вкус помню до сих пор, как и сморщенное личико

Семейная кухня

моего новорожденного сына. Странное сравнение, но это так.

Когда я родила дочь, время ужина давно прошло. Медсестра принесла мне чай и вафельку. Обычную вафлю со смешным названием — то ли «Маринка», то ли «Светланка». Я ее заглотнула, не жуя, и доплелась до кухни, чтобы попросить еще одну. Я никогда не любила вафли, тем более такие — со светлой начинкой. А в тот момент они были для меня самым лучшим лакомством на свете.

— Мам, а когда ты была беременна мной, что ты помнишь? — спросила я.

— Как мороженого объелась. С тех пор я его не ем, — ответила мама.

Она не помнила, как я впервые пошевелилась, как она страдала от токсикоза, как слышала частое и суматошное биение сердца ребенка. Она помнила про мороженое — фруктовое, за двенадцать копеек, в стаканчике с вишенками, которое нужно было есть палочкой.

Перед тем как я забеременела дочерью, врачи говорили, что мне нужно пропить курс таблеток, готовиться, наблюдаться... Они меня уверяли, что дочь, которую я хотела, о которой мечтала, может и не родиться. Мы с мужем и сыном поехали в Италию.

Маша Трауб

Каждое утро за завтраком я ела сыр — козий, мягкий. Ничего не могла с собой поделывать. Я понимала, что неприлично отваливать себе на тарелку здоровущий кусок, и просила мужа взять для себя и подъедала с его тарелки. А в обед наливала в тарелку оливковое масло, солила крупной солью и вымазывала куском хлеба. Точно так же делали дети местных жителей. Масло заканчивалось, и я шла за бутылкой, которая стояла на общем столе. Через два дня официант выделил мне отдельную бутылку с маслом и доставал ее, стоило мне появиться в дверях. Мне кажется, я выпила тогда несколько литров этого масла. Я могла пить его прямо из горлышка, как воду, — останавливали только нормы приличия.

— Какие препараты вы принимали? — спросила меня врач, когда я пришла подтвердить беременность.

— Оливковое масло с солью и хлебом, а еще козий сыр, — честно ответила я.

Головой я все понимаю — в масле содержатся полиненасыщенные жирные кислоты, которых, видимо, мне не хватало. Но я вела себя как кошка, которая ест траву, когда болеет. Как животное, которое ориентируется на запахи и вкусы.

Когда я носила дочь, то ела сладкое. Мне казалось, что после порции шоколада или пи-

Семейная кухня

рожного она гладит меня рукой по животу. Внутри живота. Я это совершенно четко осознавала и чувствовала — это было так приятно, даже не могу передать как. За эти ощущения можно было и жизнь отдать, не то что фигуру.

Мы все родом из детства, в генетической памяти заложено то, чем нас кормили родители, что разрешали, а что было под запретом.

Когда начинаешь жить с человеком и видишь, что он ест, что любит на завтрак, можно многое узнать о его детстве.

Мой муж ест глазированные сырки — ему их приносил папа. Я обожаю бутерброды с рыбой — семгой или форелью. И салями. Мама — заядлая театралка — приносила их мне из театрального буфета завернутыми в салфеточку. Да, еще были конфеты «Театральные» и пирожное «Картошка». Я не ложилась спать, не дождавшись маму.

Опять же, мой муж обожает докторскую колбасу, которая всегда была в продуктовом заказе. Его папа — чиновник — отоваривался в спецраспределителе. Ту колбасу, которая приносила моя мама — за два двадцать, из магазина, — мы ели с кошкой Маркизой: половину она, половину я.

Маша Трауб

Муж любит на завтрак яичницу, а я — омлет. Так нас кормили родители перед школой. Он ест сыр, а я творог, который мама подвешивала в марлечке над раковиной. Или творог в «колбасе» — тубусе, из которого было удобно выдавливать на тарелку творожные узоры.

Его мама из черствого хлеба делала панировочные сухари, а моя — вкуснейшие гренки. Его мама варила прозрачный диетический куриный бульон, а моя — тяжелый, наваристый борщ или щи, в которых стояла ложка.

Умение готовить тоже заложено генетически.

Моя любимая подруга Маринка — роскошная бизнес-леди — за полчаса может приготовить ужин. Она не готовит каждый день, но если встанет к плите, то будет вкусно. Очень вкусно. Ее руки помнят, как готовили ее прабабушка, бабушка и мама. Резали, месили, фаршировали куриные шеи и щук, плели халы.

Мою подругу Лену к плите лучше не подпускать. Она долго читает рецепт, долго взвешивает в мерной чашке продукты, долго выкладывает, например, сыр в помидоры, и в результате получается гадость. Лена готовит изысканные блюда, которые невозможно есть. В ее семье всегда готовили мужчины, так сло-

Семейная кухня

жилося исторически. Дед великолепно жарил мясо, отец вообще не подпускал мать к плите. Даже первый Ленкин муж встречал ее изысканным салатиком и чем-то экзотическим в качестве главного блюда. Ленка развелась, но его салатикки вспоминает до сих пор с теплотой.

В нашей семье все женщины готовили детям. Детский стол — это было святое. Для детей выделялись отдельные кастрюльки, ковшички и сковородочки. Дети должны быть сытыми. Это был наш, генетически заложенный, код. Никто не переводил детей на «общий стол», даже когда они выросли. Для них всегда должен был быть супчик, сваренный максимум вчера, и свеженькие котлетки.

— Ты какие хочешь макарончики? Длинные или бантики? — спрашивала меня мама в детстве. Поскольку в магазинах тогда ни спагетти, ни ракушек в помине не было, она делала домашнюю лапшу и скручивала ее в разные причудливые формы.

— Ты какие хочешь макарончики? — спрашиваю я своего сына, хотя понимаю, что могу сварить любые, поставить тарелку и сказать: «Ешь». Он уже взрослый, не играет с едой и не должен набирать вес так, как пишут в книжках. Но я стою над ним и считаю, сколько котлеток он съел.

Маша Трауб

Для мужей женщины нашей семьи тоже готовили — что-нибудь брутальное: кусок мяса, два куса мяса — быстро и сытно. Никаких изысков и высокой кухни. Мы всегда готовили для детей. Это наша родовая карма. Главное было найти мужчину, который с этим согласится.

Только когда умирают родители, понимаешь, как о многом не спросил, хотя тысячу раз мог.

Свекровь умерла, когда мой сын еще не родился. Я знаю, мои муж и пасынок любили ее пироги — с корицей, лимонный и с цукатами. Я так и не спросила рецепт. И до сих пор, хотя с ее смерти прошло уже много лет, пытаюсь найти тот самый рецепт и испечь тот самый пирог. У меня, конечно, ничего не получается. Почему я не смотрела, как она замешивает тесто? Почему не записала в тетрабочку? Почему я не подумала о том, что муж будет тосковать по тем, маминым, пирогам? Даже слабое подобие его бы устроило, даже подделка, относительно похожая на оригинал. Нет, тогда я приучала его к своей кухне, к своим блюдам, к тому, к чему привыкла я, не догадываясь, что у него своя вкусовая память, которая ему так дорога.

Семейная кухня

Недавно я нашла тетрадку свекрови с рецептами, но и там она не оставила мне подсказки. Рецепты были явно выписаны из журналов и книг, однако она готовила по-другому. Нужно было учиться «с рук» — так говорили у нас в деревне, где я выросла. Девочек не учили — их ставили рядом, и они смотрели, помогали, чем могли, глядя, как мамы и бабушки льют воду на глаз, замешивают тесто, снимают пену и по наитию понимают, когда нужно добавлять специи и травы. Это должно быть заложено — в крови, пальцах, мыслях и в сердце. Должно быть воспитано и вбито, как таблица умножения. Это нужно любить.

Гены сплетаются очень странно. Никогда не знаешь, что получится.

Мой сын наблюдает, как я готовлю. Он может сделать себе омлет, лепит с бабушкой пирожки и даже смотрит на срок годности продуктов. Его никто этому не учил. Я всегда считала, что готовить должна женщина. Мой муж умеет варить яйца и кофе. Пасынка я так и не смогла научить варить суп — он искренне не понимает, зачем, например, добавлять чеснок. Моя дочь, с которой я играю в детскую посудку и пластмассовую еду, смотрит на меня как на полоумную. Сын любит кашу, как и я, а дочь — яичницу, как муж.

Маша Трауб

Эта книга о еде и о людях. Здесь нет рецептов, но есть чувства. Я вспоминала блюдо и людей, с которыми это блюдо было связано. Эта книга о тех вкусовых рецепторах, которые отзываются в памяти.

У каждого своя кухня и своя память. Но манная каша была у всех. Как и колбаса по праздникам, холодец на свадьбе и бутерброд на завтрак.

Рыба, ледяная и не очень

— *Н*у что? Опять звать Славика? — спросила меня мама.

Я молча кивнула и уронила слезу на тарелку, в которой лежали пюре с фигурной складочкой посередине и кусок золотистой рыбы.

— Галка, привет, присылай Славика, — сказала мама в телефонную трубку.

Славик по кличке Скелет, сын нашей соседки тети Гали, был худой, как спичка, с темными кругами под глазами, молчаливый и покорный. Он спускался на лифте с девятого этажа на наш восьмой и усаживался за стол.

Мама ставила перед ним тарелку и замирала.

— Машенька, посмотри на Славика. Славик, вкусно?

Тот вместо ответа отправлял в рот вилку, которую держал так крепко, что белели пальцы. Мама говорила, что он «вкусно ест». Я осто-